Лора Берч

Иллюзия действительности



18+

Лора Берч

Иллюзия действительности

«Автор»
2026

Берч Л.

Иллюзия действительности / Л. Берч — «Автор», 2026

Англия конца 1930-х годов. Мир замер на пороге большой войны, но в тихих загородных поместьях, на ночных паромах в Ла-Манше и за кулисами лондонских театров разыгрываются драмы, где очевидное всегда оказывается искусной декорацией.Старшего инспектора Скотленд-Ярда Артура Пендлтона вызывают туда, где полиция уже поставила точку, а улики кажутся неопровержимыми. Безупречно сдержанный аристократ знает цену поспешным выводам: в юности он сам поверил собственным глазам — и эта ошибка навсегда изменила его жизнь.Четыре запутанных расследования: Загадочная исповедь, выброшенная штормом на берег Девона, спустя два года после трагедии на Острове Ворона. Убийство знаменитого филантропа в занесённом снегом особняке, где свидетели видели хозяина живым спустя два часа после его смерти. Таинственное исчезновение чиновника Секретного фонда с ночного парома в туманном проливе.

Возвращение призрака прошлого на Кенсингтон-роуд, где инспектору предстоит столкнуться с тайной десятилетней давности.

© Берч Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ДЕЛО ОСТРОВА ВОРОНА. ПОСТСКРИПТУМ. 6
Пролог. Хроника одного кошмара 6
Глава 1. Бутылка с берега Стиклхейвена 7
Глава 2. Фонарь у восточного утёса 11
Глава 3. Архивы 13
Глава 4. Человек у причала 15
Глава 5. Ловушка 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Лора Берч
Иллюзия действительности

Лора Бёрч
ИЛЛЮЗИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
Особые дела инспектора Пендлтона
(Дилогия. Книга первая)

Сборник детективных повестей
2026

СОДЕРЖАНИЕ
ДЕЛО ОСТРОВА ВОРОНА. ПОСТСКРИПТУМ
Пролог. Хроника одного кошмара
Глава 1. Бутылка с берега Стиклхейвена
Глава 2. Фонарь у восточного утеса
Глава 3. Архивы
Глава 4. Человек у причала
Глава 5. Ловушка
Глава 6. Ирония палача
Эпилог. Книга у камина
ТИХИЙ УИК-ЭНД В ХАРРОУ-ХОЛЛЕ
Пролог. Соль земли
Глава 1. Поезд на север
Глава 2. Запертая библиотека
Глава 3. Фасад благодетели
Глава 4. Портрет
Глава 5. Следы в комнатах
Глава 6. Эксперимент
ПАССАЖИР НОЧНОГО ПАРОМА
Пролог. Дымовая завеса
Глава 1. Туман над проливом
Глава 2. Иллюзия на мокрой палубе
Глава 3. Стюард «Принцессы Виктории» и гостиная в Белгравии
Глава 4. Нельзя убить мертвого
Глава 5. Двойная страховка
ПРИЗРАК С КЕНСИНГТОН-РОУД
Пролог. Приговор в Олд-Бейли
Глава 1. Серебряные запонки
Глава 2. Призрак на Кенсингтон-роуд
Глава 3. Сцена с арлекином
Глава 4. Тень из костюмерной
Глава 5. Маска драматурга
Эпилог. Знак мастера

ДЕЛО ОСТРОВА ВОРОНА. ПОСТСКРИПТУМ.

Пролог. Хроника одного кошмара

Из газеты «Дейли Телеграф», Лондон, 19 августа 1935 года:

ЧУДОВИЩНАЯ ЗАГАДКА У БЕРЕГОВ ДЕВОНА: ДЕСЯТЬ ПОГИБШИХ НА ОТРЕЗАННОМ ОТ МИРА ОСТРОВЕ

Стиклхейвен, Девоншир (от нашего специального корреспондента).

Вчера утром, когда после трехдневного жестокого шторма море у побережья Южного Девона наконец успокоилось, спасательная шлюпка и полицейский катер сумели подойти к Острову Ворона — мрачной гранитной скале в двух милях от рыбацкой деревни Стиклхейвен. То, что открылось глазам констеблей в роскошном уединенном особняке, построенном недавно покойным американским промышленником Уитни, не имеет аналогов в истории британской криминалистики.

Все десять человек, находившихся на острове — восемь приглашенных гостей и двое смотрителей, — были найдены мертвыми. Среди погибших оказались столь известные личности, как судья Верховного суда лорд Генри Блэквуд, известный лондонский хирург доктор Артур Кеннеди и отставной генерал-майор Реджинальд Хейворд.

По предварительным данным коронера, смерти наступали последовательно в течение трех суток: двое скончались от отравления цианистым калием, один — от тяжелой черепно-мозговой травмы, один — от огнестрельного ранения, остальные погибли при столь же загадочных обстоятельствах. Как стало известно следствию, все гости прибыли на остров по приглашению закрытого лондонского трастового фонда, якобы для участия в закрытых благотворительных торгах, однако ни один представитель фонда на остров так и не явился.

Главная тайна заключается в том, что на крошечном голом утесе нет ни подвалов, ни тайных убежищ, а свирепый шторм полностью исключал возможность подхода любой лодки со стороны материка. Кто заманил этих людей в ловушку и кто — или что — совершил эту чудовищную расправу? Скотленд-Ярд хранит молчание.

Глава 1. Бутылка с берега Стиклхейвена

Прошло два года. Шумная газетная сенсация давно уступила место новым тревожным заголовкам — о гражданской войне в Испании, о беспокойных новостях из Берлина и о недавней коронации. Дело Острова Ворона перекочевало на верхние пыльные полки архивов, превратившись в одну из тех мрачных британских легенд, которыми пугают туристов в прибрежных трактирах.

Ноябрь 1937 года в Девоне выдался сырым и промозглым. Низкие свинцовые тучи задевали верхушки утесов, а мелкий, похожий на водяную пыль дождь не прекращался сутками.

В кабинете старшего инспектора Мейна было душно от угольного камина и табачного дыма. Мейн, грузный, краснолицый человек с густыми седыми бакенбардами, сидел за дубовым столом и с глухим раздражением перелистывал пухлую папку с надписью *«Остров Ворона. Август 1935 г.»*.

У окна, заложив руки за спину и глядя на мокрую мостовую Стиклхейвена, стоял человек, который в этом провинциальном участке казался существом с другой планеты.

Инспектор Артур Пендлтон, присланный из Скотленд-Ярда в рамках плановой министерской ревизии нераскрытых дел за последние три года, был высок, худощав и безупречно подтянут. Темно-серый костюм сидел на нем так, словно он только что вышел из ателье на Сэвил-Роу, а не провел три часа в тряском местном поезде. У него было бледное, породистое лицо, темные, гладко зачесанные волосы и удивительно спокойные, чуть грустные серые глаза. Он почти не говорил без нужды, двигался бесшумно и обладал редким даром слушать так, что собеседник сам начинал выкладывать все, что хотел скрыть.

— Дьявольщина какая-то, Пендлтон, — пробурчал Мейн, захлопывая папку. — Два года прошло, а лондонское начальство все покоя не дает. «Десять трупов на скале, и ни единой зацепки!» Легко им там, в Уайтхолле, рассуждать. Они ведь не видели этот дом. Там мухе негде спрятаться, не то что человеку! Я вчера вечером в трактире так и сказал нашему священнику: приехал, мол, столичный сыщик, хочет с утра весь остров заново простучать да скалы осмотреть. Только зря ноги промочите!

— И все же, сэр, — тихо произнес Пендлтон; голос у него был негромкий, бархатистый и безупречно ровный, а его тонкие бледные пальцы в этот миг едва заметно провернули старую серебряную запонку на левом манжете сорочки — со стороны могло показаться, что столичный джентльмен просто с легким высокомерием поправляет рукав. — В любом закрытом пространстве остается след. Вопрос лишь в том, с какой стороны на него смотреть.

— Да со всех сторон смотрели! — отмахнулся Мейн, но тут в дверь постучали, и на пороге возник констебль.

— Сэр, там Сэмюэл Пенроуз пришел. Говорит, по старому делу. Нашел кое-что на берегу.

Мейн нахмурился, но махнул рукой:

— Зови.

В кабинет вошел мужчина лет сорока пяти, коренастый, с широкими плечами гребца и лицом, обветренным до цвета старой кожи. Он снял просоленную флотскую кепку и скомкал ее в больших узловатых пальцах. От него пахло мокрой шерстью, водорослями и дешевым табаком.

— Доброе утро, мистер Мейн, — проговорил Пенроуз хрипловатым, ровным голосом. — Доброе утро, сэр.

Пендлтон чуть заметно кивнул, не отходя от окна, но его серые глаза мгновенно остановились на лодочнике — спокойно, цепко, без тени враждебности, словно он запоминал каждую черту этого лица.

— Что у тебя, Сэм? — спросил Мейн, откидываясь в кресле.

Пенроуз шагнул к столу и бережно поставил на зеленое сукно бутылку из темного толстого стекла. Горлышко ее было залито мутным, потрескавшимся сургучом, а бока оплетены высохшими бурыми водорослями. Внутри, сквозь мутное стекло, белел плотно свернутый в трубку бумажный свиток.

— На рассвете пошел лодку проверять после ночного шторма, — спокойно объяснил Пенроуз. — Прибой знатный был, с юго-запада тянуло. Гляжу — меж камней у самой бухты блестит. Поднял, покрутил в руках. Слышал вчера вечером от людей, что из Лондона по старому делу приехали, ну и вспомнил, как вы два года назад велели обо всем необычном сразу вам докладывать. Вот и принес.

Мейн подался вперед. Лицо его медленно наливалось краской — то ли от волнения, то ли от внезапной надежды.

— Где именно ты ее нашел?

— У Красной скалы, сэр. Как раз там, куда течение от Острова Ворона выносит, если ветер с моря.

Пендлтон неслышно подошел к столу. Он не стал брать бутылку в руки, лишь наклонился, внимательно разглядывая сургуч и слой высохшей соли на стекле.

— Вы хорошо знали тех, кто отправился на остров в августе тридцать пятого, мистер Пенроуз? — спросил он мягко.

Лодочник перевел на столичного сыщика тяжелый, спокойный взгляд. В глазах его не дрогнул ни один мускул.

— Я их туда перевозил, сэр. Восемь гостей и двух смотрителей. Обычные господа. Кто-то важный, кто-то попроще. Я свое дело сделал — высадил на причал, получил плату и ушел обратно. Больше я их живыми не видел.

— Благодарю вас, мистер Пенроуз, — Пендлтон чуть склонил голову. — Вы оказали следствию неоценимую услугу.

— Не за что, сэр. Если понадоблюсь — я у причала.

Когда дверь за лодочником закрылась, Мейн схватил со стола тяжелое пресс-папье и с треском разбил горлышко бутылки. Осколки звякнули по дереву. Старый инспектор дрожащими пальцами извлек свиток, аккуратно развернул плотные листы дорогой веленевой бумаги, покрытые мелким, удивительно ровным бисерным почерком, и начал читать вслух — сперва запинаясь от волнения, а затем всё более глухим, поражённым голосом:

«Коронеру графства Девон и представителям Скотленд-Ярда.

Полагаю, к тому дню, когда прибой вынесет эту бутылку на берег, следствие по делу об Острове Ворона уже зайдёт в тупик и будет сдано в архив. Я оставляю это письменное разъяснение не ради оправдания — решения Верховного суда не нуждаются в оправданиях, — но исключительно из уважения к точности фактов.

За тридцать восемь лет судейской практики я слишком часто убеждался, сколь беспомощен буквализм закона перед изощрённой подлостью. Девять человек, приглашённых на этот остров от имени несуществующего лондонского траста, в разное время избежали скамьи подсудимых лишь благодаря лазейкам в процедуре или отсутствию прямых свидетелей. Я счёл своим долгом восполнить этот пробел правосудия — тихо, без прессы и без права на апелляцию.

Остров Ворона стал идеальной камерой для закрытого процесса. Чтобы держать ход событий под полным контролем, мне потребовался лишь один временный союзник внутри дома — доктор Артур Кеннеди, чья врачебная репутация целиком зависела от моего молчания. Я убедил его, что среди гостей прячется безумец, и уговорил засвидетельствовать мою внезапную смерть от сердечного приступа, дабы я мог беспрепятственно наблюдать за происходящим из пустующего флигеля.

Я стоял у высокого окна столовой в половине третьего ночи, глядя, как тяжелые штормовые тучи заволакивают ущербную луну над материком, и прикидывал, через сколько минут Кеннеди выйдет на утес, где я назначил ему встречу. Когда с ним было покончено, взаимный ужас и подозрительность остальных довершили приговор почти без моего участия.

Теперь симметрия дела соблюдена полностью: десятый участник этого собрания должен разделить участь остальных. Через несколько минут я вернусь в свою спальню, привяжу револьвер длинным эластичным шнурком от своего пенсне к дверной ручке, лягу на кровать и выстрелю себе в висок. Упругий шнур отбросит оружие прямо к порогу, оставив полиции головоломку, над которой ваши эксперты будут биться годами.

Генри Блэквуд,
судья Верховного суда.
18 августа 1935 года».

В комнате надолго повисла тишина. Слышно было только потрескивание угля в камине да стук дождя по оконному стеклу. Наконец Мейн опустил листы на стол. Глаза его блестели.

— Ну что, мистер Пендлтон? — выдохнул он с торжеством. — Вот вам и закрытая комната! Можете возвращаться в Лондон с чистой совестью! Это предсмертная исповедь судьи лорда Генри Блэквуда. Он сам все устроил. Собрал на острове девятерых преступников, которых не смог покарать закон, убил их одного за другим, инсценировал собственную смерть при помощи доктора Кеннеди, а потом... послушайте только, как хитро! Привязал револьвер на эластичном шнурке от пенсне к дверной ручке, выстрелил себе в лоб, и оружие отлетело к порогу! Гениально! Безумный старик, но какой ум!

Пендлтон молча взял первый лист рукописи. Он держал бумагу за самые края, стараясь не оставить отпечатков, и читал медленно, вдумчиво. Чем дальше он читал, тем сильнее хмурились его тонкие темные брови.

— Сэр, — тихо сказал Пендлтон, когда дочитал последнюю страницу и положил ее рядом с пухлой архивной папкой дела 1935 года. — Вы читали в этой исповеди, как именно лорд Блэквуд устроил фокус с револьвером в финале?

— Ну как же! — оживился Мейн. — Он пишет, что снял длинный эластичный шнур от своего пенсне и привязал его одним концом к спусковой скобе револьвера, а другим — к дверной ручке, чтобы после выстрела оружие отлетело к порогу!

— Прекрасная выдумка, сэр, — негромко произнес Пендлтон, открывая в архивной папке раздел с заголовком *«Опись личных вещей погибших, обнаруженных на месте происшествия»*. — Вот только взгляните на пункт седьмой описи вещей лорда Блэквуда, составленной вашим же сержантом утром девятнадцатого августа тридцать пятого года: *«В левом боковом кармане твидового пиджака покойного обнаружено золотое пенсне на тонком шелковом шнурке; правое стекло треснуто»*.

Мейн замер с открытым ртом:

— Треснуто? В кармане?!

— Именно, сэр, — кивнул Артур, и его палец переместился на следующую страницу папки — медицинское заключение коронера. — Лорд Блэквуд страдал сильной дальнозоркостью и без пенсне не мог бы написать ни единой строчки этого каллиграфического письма. Стекло разбилось еще в первую ночь, когда он упал в темноте, и с тех пор пенсне лежало в его кармане. Никакого эластичного шнура он не снимал. Более того, прочтите вывод коронера о пулевом ранении в голову судьи: *«Кровоизлияние в раневой канал и окружающие ткани крайне скудное, не характерное для прижизненного выстрела»*. Тогда этому не придали значения, списав на мгновенный шок. Но на самом деле все гораздо проще: в лорда Блэквуда выстрелили **уже после того, как он умер**. Он был первой жертвой на острове, а не палачом.

В кабинете повисла тяжелая, ошеломленная тишина. Мейн медленно опустился в кресло, глядя на разбитую бутылку на столе так, словно она могла укусить.

— Но... кто же тогда написал это письмо?! — прохрипел старый инспектор. — И почему бутылка всплыла именно сегодня утром?!

— Потому что вчера вечером вы громко объявили в трактире, что я приехал заново осматривать скалы Острова Ворона, сэр, — спокойно ответил Пендлтон, наклоняясь над текстом рукописи. — Кто-то очень испугался этого осмотра и за ночь состряпал «исповедь» судьи, чтобы закрыть дело и выпроводить меня обратно в Лондон. Взгляните на водоросли на стекле: они свежие, с прибрежного мелководья, а на самой бутылке нет ни единой ракушки-балянуса, которыми за два года в море обросло бы любое стекло. И автор выдал себя в тексте еще дважды. Прочтите предпоследнюю страницу: *«Я стоял у высокого окна столовой в половине третьего ночи, глядя, как тяжелые штормовые тучи заволакивают ущербную луну над материком...»* . Во-первых, я поднимал сводки Адмиралтейства за ту ночь: над заливом стоял глухой, непроглядный туман, и увидеть луну можно было только из открытого моря на подходе к проливу. А во-вторых, судья Верховного суда Англии никогда не напишет «в половине третьего ночи» — он напишет «в два часа тридцать минут пополуночи».

— А кто же пишет «в половине третьего ночи»? — глухо спросил Мейн.

Пендлтон повернулся к окну, глядя туда, где за серой пеленой дождя скрывалась бухта Стиклхейвена.

— Тот, кто привык считать время по корабельным склянкам, сэр. Пять склянок средней вахты. Прежде чем плыть на остров, мне нужно поговорить со смотрителем старого маяка на мысу, а затем съездить в Лондон, Эксетер и Плимут. Боюсь, дело не закрыто. Оно только начинается.

Глава 2. Фонарь у восточного утёса

Прежде чем сесть на поезд, Артур Пендлтон нанял на станции двуколку и отправился по размытой прибрежной дороге на скалистый мыс в трех милях к востоку от Стиклхейвена, где возвышалась каменная башня старого маяка.

Смотритель маяка, сухопарый, глуховатый старик по фамилии Дженкинс с белой шкиперской бородкой, встретил столичного сыщика на верхней галерее у огромной медной линзы. Внизу, сквозь серую водяную пыль, смутно угадывался тёмный горб Острова Ворона.

— В августе тридцать пятого, сэр? — переспросил старик, приложив ладонь к уху и вглядываясь в пролив. — Как не помнить ту ночь! Туман лёг на воду густой, как овечья шерсть, фонарь мой еле пробивал на полмили, а к утру задул такой ветер, что волна через мол перехлёстывала.

— Вы не заметили в ту ночь ничего необычного со стороны Острова Ворона, мистер Дженкинс? — негромко, но отчётливо спросил Пендлтон.

Старик задумался, потирая обветренный лоб:

— Знаете, сэр, полицейские меня тогда спрашивали — не подходил ли к острову моторный баркас. Я и сказал чистую правду: ни одного мотора в заливе не тарахтело, в такой тишине звук за пять миль слышен. Но вот около трёх часов ночи — перед самым началом шквала — я глянул в подзорную трубу на восточный утёс острова. И мне почудилось, будто у самой воды, прямо под скалой, на пару секунд мигнул тусклый синий огонёк. Потайной фонарь. Я ещё подумал: контрабандисты, что ли, в старый грот сунулись? Но через пять минут ветер завыл так, что и думать об этом забыл.

Пендлтон поблагодарил старика и поспешил на станцию. Потайной синий фонарь у восточного утёса в три часа ночи — в тот самый час, когда, если верить рукописи, кто-то наблюдал «ущербную луну над материком»...

Но Артур не спешил делать окончательные выводы. Он знал: прежде чем указывать на кого-то пальцем, нужно проверить **все** нити, ведущие к покупке Острова Ворона в 1935 году.

Вечерним поездом Пендлтон вернулся в Лондон и на следующее утро уже сидел в конторе респектабельного стряпчего мистера Уилберфорса на Линкольнс-Инн-Филдс — именно через эту контору весной 1935 года некий анонимный покупатель приобрёл Остров Ворона у наследников американского промышленника Уитни за четыре тысячи фунтов.

Мистер Уилберфорс, пожилой юрист в круглых золотых очках, развёл руками:

— Поверьте, инспектор, я уже давал показания вашим коллегам два года назад. Покупатель действовал через доверенное лицо, деньги были внесены наличными в банковских билетах Английского банка, а все распоряжения о найме прислуги и отправке приглашений гостям приходили по почте из Лондона на машинке. Ни имени, ни адреса я не знаю.

— А кто из родственников погибших на острове получил наибольшую выгоду после трагедии, мистер Уилберфорс? — спокойно уточнил Артур, прокручивая серебряную запонку на левом манжете.

Юрист задумался и поправил очки:

— Пожалуй, племянник покойного генерал-майора Реджинальда Хейворда — капитан в отставке Филипп Хейворд. Генерал был сказочно богат, и после его гибели на острове весь майорат и шестьдесят тысяч фунтов перешли к племяннику. Кстати, весьма занятное совпадение: на прошлой неделе этот молодой человек заходил ко мне уточнить какие-то бумаги по девонским владениям генерала и обмолвился, что собирается съездить поохотиться на бекасов в окрестностях Плимута.

Пендлтон нахмурился. Наследник в шестьдесят тысяч фунтов, оказавшийся в Девоне ровно в ту неделю, когда на берег выбросило бутылку! Это могло быть и совпадением, и ключом ко всему.

Весь остаток дня Артур потратил на проверку капитана Филиппа Хейворда. Выяснилось, что в августе 1935 года — в дни трагедии на Острове Ворона — капитан служил в гарнизоне в Каире и ни на день не покидал Египет, что подтверждали приказы по полку. А в Девон на прошлой неделе он действительно приезжал на состязания по стрельбе в Плимуте в компании десяти офицеров и не отлучался от них ни на час. Ложный след отпал так же чисто, как и возник.

Но одна фраза стряпчего Уилберфорса не давала Артуру покоя: *«Деньги за покупку острова были внесены наличными в банковских билетах Английского банка»*. Проверив номера купюр по архивному запросу 1935 года, Пендлтон обнаружил, что вся пачка банкнот была выдана в январе 1933 года отделением банка в Саутгемптоне.

Глава 3. Архивы

На обратном пути в Девон поезд снова тащился вдоль побережья, то ныряя в густой белесый туман, то открывая вид на свинцовые валы Ла-Манша.

Артур Пендлтон сидел у окна в пустом купе первого класса. На коленях у него лежал кожаный портфель, а в тонких, длинных пальцах — заверенная фотокопия рукописи, извлеченной из бутылки, и выписки из протоколов 1935 года.

Теперь картина сужалась до предела. Если лорд Блэквуд был убит первым, а спустя два года кто-то подбросил в прибой бутылку с его фальшивой «исповедью», значит, у этого человека была одна главная цель: не просто убить судью, а посмертно опозорить его имя, превратив уважаемого служителя закона в безумного маньяка-убийцу.

Кто мог питать такую лютую, не остывшую за годы ненависть к судье Верховного суда? Только тот, чью жизнь или семью лорд Блэквуд сломал своим приговором.

В здании окружного суда Эксетера пахло старой бумагой и мастикой. Архивариус с почтением провел столичного инспектора в читальный зал, но Артур не стал просматривать сотни обычных дел, которые вел судья Блэквуд.

— Мне нужны только те процессы под председательством лорда Блэквуда за последние десять лет, — тихо попросил Пендлтон, — по которым впоследствии были поданы прошения о посмертном помиловании или реабилитации ввиду судебной ошибки.

Архивариус нахмурился, полистал толстый алфавитный реестр и через четверть часа положил перед Артуром всего две тонкие папки. Первое дело касалось старого браконьера из Сомерсета, умершего в тюрьме от чахотки еще в двадцать восьмом году; его единственный сын погиб на фронте во Франции.

Зато вторая папка заставила Пендлтона затаить дыхание. На серой картонной обложке стояла надпись: *«Корона против Джулиана Тревельяна, май 1932 года»*.

Дело было коротким и страшным в своей простоте. Молодой человек двадцати шести лет, скромный банковский клерк, обвинялся в убийстве своей пожилой покровительницы миссис Элис Лоуренс ради небольшого наследства. Прямых улик против него не было — лишь косвенные совпадения и путаные показания самого обвиняемого, который в суде вел себя растерянно и неубедительно.

Пендлтон перелистал стенограмму заключительной речи судьи лорда Блэквуда. Читая эти страницы, Артур почувствовал, как внутри поднимается знакомый, ледяной холод — то самое чувство, которое всегда заставляло его не спать по ночам, когда закон превращался в бездушный механизм. Блэквуд не просто подвел итоги процесса; он с хирургической точностью, шаг за шагом, разрушил каждое слово защиты, высмеял характер подсудимого и буквально вложил в уста присяжных смертный приговор.

Через три недели Джулиан Тревельян был повешен в Эксетерской тюрьме.

А через шесть месяцев полиция Бристоля задержала профессионального взломщика по кличке Рыжий Сэм, у которого при обыске нашли фамильные драгоценности миссис Лоуренс и окровавленный лом. Преступник во всем сознался. Джулиан Тревельян оказался абсолютно невиновен.

В самом низу подшивки о посмертной реабилитации была подколота короткая полицейская справка из порта Саутгемптона:

«Мать казненного, Марта Тревельян, скончалась от разрыва сердца в октябре 1932 года. Единственный близкий родственник — старший брат, Томас Тревельян, тридцати девяти лет, штурман торгового флота. В момент процесса находился в дальнем плавании на судне „Южный Крест“. Вернулся в Англию в январе 1933 года. После посещения могилы

матери и брата уволился из пароходной компании, снял со счета все сбережения и выбыл в неизвестном направлении. В мае 1934 года признан пропавшим без вести».

Пендлтон медленно провернул серебряную запонку на левом манжете. Саутгемптон. Январь 1933 года — тот самый месяц и тот самый банк, откуда вышли купюры за покупку Острова Ворона! Штурман торгового флота. Счет по корабельным склянкам. Луна, видимая сквозь туман только со стороны моря. И еще одна деталь из протоколов 1935 года, на которую Артур обратил внимание еще утром: последняя жертва на острове, молодая гувернантка Клэр Уилсон, была найдена повешенной на крюке в своей спальне, причем петля была завязана сложным морским **беседочным узлом с двойным шлагом**, который не сумела бы завязать ни одна сухопутная девушка.

Но чтобы убедиться, что исчезнувший в 1934 году штурман Томас Тревельян и молчаливый лодочник из Стиклхейвена Сэмюэл Пенроуз — одно и то же лицо, Артур не стал полагаться на догадки. На обратном пути он сошел на станции в Плимуте и направился прямо в Регистрационную палату торгового и рыболовного флота.

Подняв реестр выдачи лицензий на каботажные перевозки и купчих на маломерные суда по побережью Южного Девона за 1934 год, Пендлтон через полчаса нашел нужную запись:

«14 июня 1934 года. Купчая на моторный баркас „Баклан“ (порт приписки — Стиклхейвен). Покупатель: Сэмюэл Пенроуз, уроженец Фалмута (Корнуолл), бывший штурман торгового флота. Оплата произведена наличными в сумме 180 фунтов стерлингов».

Артур попросил клерка принести оригинал заявления с подписью покупателя и положил его рядом с копией расписки Томаса Тревельяна об увольнении из пароходной компании в Саутгемптоне в 1933 году. Имена были разными, но резкий, угловатый наклон заглавной буквы «Т» и длинный, похожий на гарпун росчерк в конце фамилии совпадали до миллиметра.

Глава 4. Человек у причала

Обратный поезд из Плимута прибыл в Стиклхейвен в густых ноябрьских сумерках. Моросящий дождь сменился пронизывающим, ледяным ветром с запада; волны с глухим, тяжёлым уханьем бились о каменный мол, взметая белые фонтаны брызг в тусклый свет прибрежных фонарей.

Инспектор Артур Пендлтон не пошёл сразу в полицейский участок. Спрятав руки в карманы тёмного драпового пальто, он спустился вниз по крутой мощёной улочке — туда, где у причала покачивались на чёрной воде рыбацкие баркасы и приветливо светились жёлтые окна старого портового трактира «Якорь и корона».

Внутри было жарко натоплено, пахло жареной треской, мокрой овчиной и дешёвым табаком. В дальнем углу двое старых рыбаков молча резались в домино, а за дубовой стойкой протирал кружки хозяин заведения — дородный, одноглазый старик по имени Барнаби с седой шкиперской бородкой.

Пендлтон подошёл к стойке, заказал стакан горячего грога с ромом и положил рядом серебряную полкроны — ровно столько, чтобы трактирщик проникся к столичному джентльмену самым искренним расположением.

— Скверная погода, мистер Барнаби, — тихо произнёс Пендлтон, обхватывая горячий стакан длинными бледными пальцами. — Мне завтра утром нужно переправиться на Остров Ворона — осмотреть особняк и сделать пару снимков для лондонского архива. Ваш местный лодочник, Сэмюэл Пенроуз, возьмётся за это?

Трактирщик хмыкнул, смахнув крошки со стойки:

— Сэм-то? Этот возьмётся, сэр. Ему море что родной дом. Странный он мужик, хоть и надёжный, слова лишнего из него клещами не вытянешь. Появился у нас года три с половиной назад, перед самой той страшной историей на острове. Никто толком не знал, откуда он родом — говорил, будто из Корнуолла, на торговых судах штурманом ходил. Купил за наличные старый баркас, переделал под моторку и живёт бобылём в сторожке у Красной скалы.

— А рыбачит он часто? — небрежно поинтересовался Артур, делая глоток грога.

— Днём-то он больше грузы возит да туристов летом катает, сэр, — усмехнулся Барнаби, понизив голос. — А вот по ночам, бывало, уходит в море на вёслах — говорит, треску на глубине ловит, чтобы мотор не тарахтел и рыбу не пугал. И знает он эти скалы так, будто сам их из камня тесал. В первый же месяц, как приехал, промерил лотом все отмели вокруг Острова Ворона. Местные-то туда близко не подходят — там рифы, как бритвы. А Сэм между ними в темноте проходит, словно по Бонд-стрит прогуливается.

— И сегодня утром именно он нашёл бутылку с письмом судьи на берегу? — мягко уточнил Пендлтон.

— Он самый, сэр! — кивнул старик. — Вчера вечером он здесь в углу сидел, кружку эля тянул, когда наш инспектор Мейн заходил и рассказывал священнику, что вы из Лондона приехали дело перетряхивать. Сэм тогда допил свой эль, кепку нахлобучил и ушёл в ночь. А утром — на тебе, бутылку притащил! Чудеса, да и только!

Пендлтон допил грог, вежливо поблагодарил хозяина и вышел на тёмную, продуваемую ветром набережную.

Теперь не оставалось ни единого белого пятна. Томас Тревельян, бывший штурман торгового флота, готовил эту месть больше года. Получив после смерти матери и реабилитации брата все семейные сбережения в Саутгемптоне, он купил через лондонского стряпчего безлюдный остров, заманил туда через фиктивный трастовый фонд десятерых человек, чьи старые преступления остались безнаказанными, сам перевёз их на остров днём, а ночью вернулся

на бесшумном ялике через скрытый в скалах приливной грот. А два года спустя, испугавшись ревизии Скотленд-Ярда, он за одну ночь состряпал «исповедь судьи» в бутылке, чтобы закрыть дело навсегда.

В полицейском участке инспектор Мейн уже собирался уходить домой. Пендлтон не стал посвящать его в свои выводы — он знал, что старый инспектор слишком обрадовался возможности сдать в архив позорное для округа дело, а без прямого признания или поимки с поличным провинциальный суд мог усомниться в одних лишь косвенных уликах.

— Вы правы, сэр, — тихо сказал Артур, поправляя серебряную запонку на левом манжете. — После вашего утреннего открытия мне осталась лишь одна формальность: завтра я переправлюсь на остров, сделаю снимки для протокола и вечерним поездом уеду в Лондон. Мы выходим с Пенроузом в семь утра. Единственное, о чём я хотел бы вас попросить... Если к половине двенадцатого дня моя лодка не вернётся в гавань из-за шторма, будьте добры, отправьте за нами катер береговой охраны. Просто на всякий случай. Море шуток не любит.

Мейн беспечно махнул рукой и ушёл. Оставшись один, Пендлтон достал из кобуры служебный револьвер «Веблей», проверил барабан, аккуратно протёр ствол замшевой тряпочкой и убрал оружие под левую полу пиджака.

Глава 5. Ловушка

В семь часов утра залив Стиклхейвена выглядел так, словно его вылили из расплавленного свинца. Низкие рваные тучи неслись над самой водой, а тяжёлые серые валы с глухим урчанием перекатывались через каменный мол, обдавая причал холодными солёными брызгами.

Сэмюэл Пенроуз уже ждал у своего моторного баркаса «Баклан». На нём был жёлтый промасленный зюйдвест, из-под которого спокойно и внимательно глядели глубоко посаженные серые глаза. Когда инспектор Пендлтон спустился по скользким каменным ступеням — в тёмном непромокаемом плаще, с кожаным саквояжем в руке и всё такой же безупречной, невозмутимой выправкой, — лодочник чуть кивнул, проверяя швартовы.

— Не передумали, сэр? — хрипловато спросил Пенроуз, перекрывая шум прибоя. — Волна злая. К полудню раздует так, что и на берег не выберемся, придется на острове пережидать.

— Ничего страшного, мистер Пенроуз, — тихо ответил Пендлтон, легко ступая на качающуюся палубу. — Служба не выбирает погоду. Трогайте.

Мотор затарахтел, выплюнув облачко сизого дыма, и лодка, зарываясь носом в холодную пену, вышла из бухты в открытый пролив. Ветер сразу ударил в лицо, обжигая ледяной водяной пылью.

Остров Ворона вырастал впереди огромной чёрной громадой, напоминающей исполинскую птицу, присевшую на гранитный утёс. О его отвесные бока с пушечным грохотом разбивались волны, взметая фонтаны брызг на десятки футов вверх.

Двадцать минут они шли молча. Пенроуз стоял у румпеля прямо и неподвижно, словно врастая в палубу, и вёл судно с той безошибочной, звериной уверенностью, о которой вчера рассказывал трактирщик. Пендлтон сидел на носу, глядя на приближающуюся скалу, и думал о том, что два года назад ровно так же сидели здесь десять человек, не подозревавших, что едут на собственную казнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.